

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ I

(Географические термины, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамском языках, в субстратной топонимике Русского Севера)

1. бонг-, вонг-

Бонга, н. п. (Бел.), Вонга, р. (пр. Вычегды), Вонга, ур. (Мез.), Вонга, н. п. (Пин.), Вонгасар, руч. (Кад.), Вонгода¹ (пр. Сев. Двины), Вонгуда (пр. Онеги), Подвонга, ур. (Пл.). Ср. в Карельской АССР: р. Вонга и Вонгозеро (дважды).

Ср. фин. *vonkka* 'глубокое место в воде; бухта', кар.-ливв. *vongi* 'омут' (Г. Н. Макаров, Диалектологический словарь карельского языка (ливвиковский диалект) [Рукопись]), (Салми) *vongi* 'roukama' (P. Pohjanvalo, Salmin murteen sanakirja, Helsinki 1947, стр. 159), *vongahe* 'pieni roukama' (P. Pohjanvalo, Salmin murteen sanakirja. Täydennysosa, Helsinki 1950, стр. 410), кар.-люд. *vonḡ*, *vonḡe*, *bongḡ* 'pyörre; syvä, tyyni kohta joessa' (J. Kujola, Lyydiläismurteiden sanakirja, Helsinki 1944, стр. 497), вепс. *bong* (М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Вепсский диалектологический словарь [Рукопись]).

В севернорусских (олонецких) говорах известно слово *бонга* 'небольшое лесное озеро, озеро без истоков; омут, глубокое место в реке' (Кул.) < вепс. (J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen (= MSFOu XLIV), Helsinki 1919, стр. 80). Форма *вонга*, видимо, также была известна некоторым русским говорам, ср.: «Название Вонга в современном его значении есть вполне собирательное, общее многим селениям, каковы: Вонга Совпольская, Вонга-Новинка, Вонга Верхних и Нижних озерок, Вонга Докучинская, Вонга Чернильниковская, Вонга Темверойская, Вонга Едакина-Плаксинская, Вонга Преснецовская, Вонга Ларевская, Вонга Комаровская».²

Вариант *Бонга* (*бонга*) должен рассматриваться как вепсско-людиковский, *Вонга* (*вонга*) — как ливвиковско-людиковский.

¹ Форманты *-ода* и *-уда* содержат древний суффикс **-(e)da*, сохранившийся как в прибалтийско-финских, так и в волжских языках, ср., напр., вепс. *korged* 'высокий', *vâiged* 'белый', *lühud* 'короткий' (T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 271—272). Ср. *Волгуда* и вепс. *vâiged*.

² Е. К. Огородников, Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа. — Записки ИРГО по отделению этнографии VII, Санкт-Петербург 1877, стр. 162.

2. -ванга

Детерминатив *-ванга* отмечен в названиях нескольких населенных пунктов и лугов по р. Онеге и ее притокам — *Кáтованга*, луг, *Кúтованга*, н. п., *Кялованга*, н. п., *Рúсованги* (мн. ч.), луг, *Утованка*, луг (? < **Утованга*), а также в районе оз. Мошинского (Нянд.) — *Пáлованга*, бол., *Пéлеванга*, поле, *Пóткованга*, поле, *Ускованга*, луг; ср. еще *Палованга*, тоня (низовья Сев. Двины, Сборник грамот коллегии экономии I, Петроград 1922, № 60).

В самостоятельном употреблении термин не зафиксирован. Ср. лив. *vaṅga* 'bachwiese' (L. Kettunen, Livisches wörterbuch, Helsinki 1938, стр. 210, 470), эст. *vang* (под. *vang*) 'griff, bügel', fig. 'bogen, krümmung', *vangumaa* 'von einer flussbiegung eingeschlossenes stück land, wiese', фин. *vanko* 'haken, womit man brennende baumstämme in der rodung umwälzt' (там же, стр. 470).

Названия с детерминативом *-ванга* имеют прозрачные прибалтийско-финские этимологии, ср., напр., *Пáлованга* и фин. *palo* 'пожар; выжженная пожога', *Пóткованга* и фин., кар.-лив. *potki* 'вид рыболовной сети' и т. п.

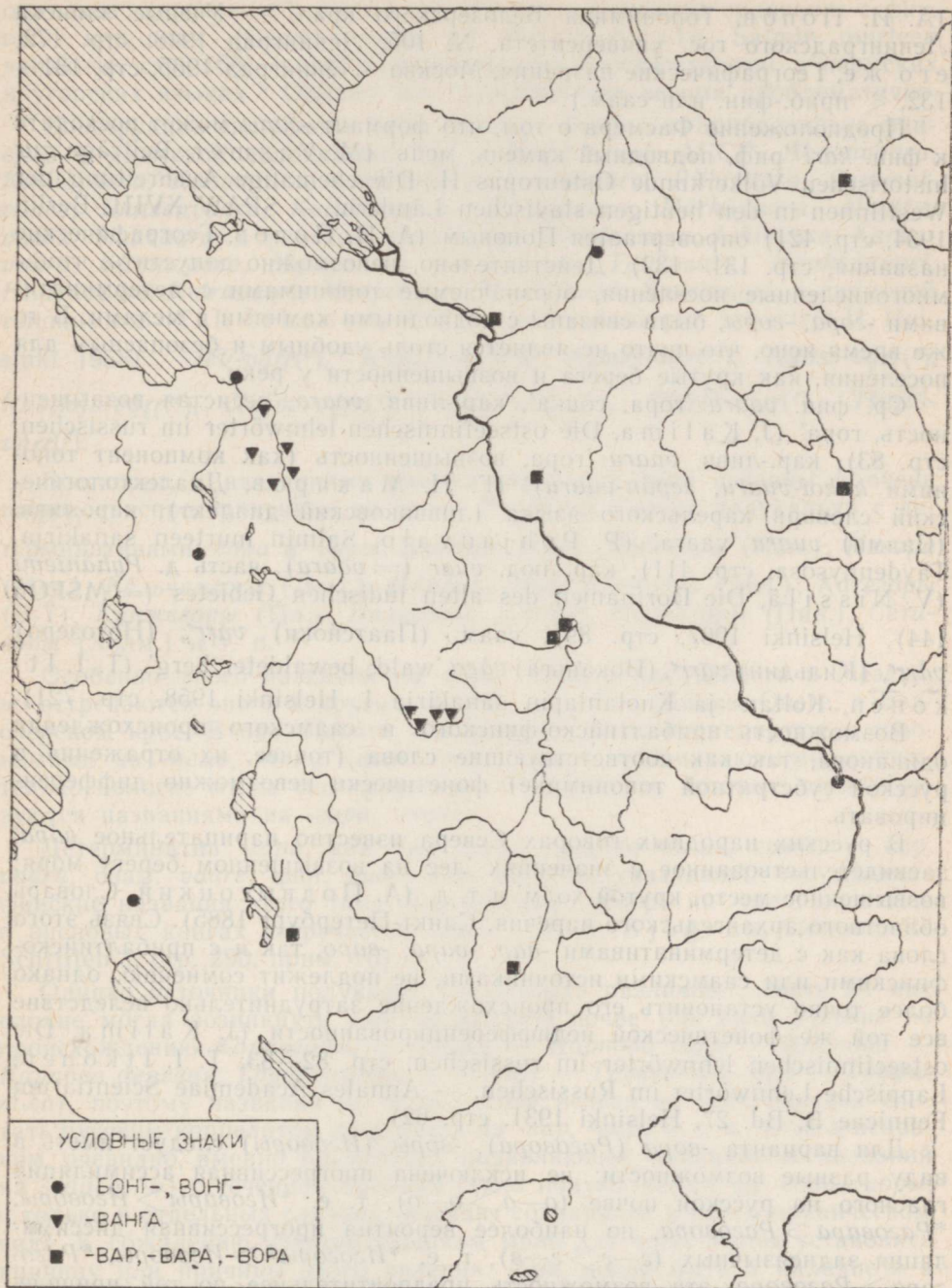
3. -вар, -вара, -варо, -вора

Относительно редко встречающийся формант, засвидетельствованный на большей части территории Русского Севера в ряде вариантов (не зафиксирован в басс. Онеги и юго-восточной части региона): *Кóчевар*, н. п. и р. (басс. Ваги), *Кыневар*, оз. (Холм.), *Конишбговара*, д. и *Шеговáры* (мн. ч.), д. (Шенк.), *Сéндевара*, луг (Холм.), *Падчеваро*, н. п. (Вож.), *Иговоры* (мн. ч.), ур. (Мез.), *Рáговора*, луг (Пин.), *Ценовáрское*, оз. (Леш.).

В основном названия с этим формантом прилагаются к населенным пунктам и урочищам, несколько гидронимов явно имеют метонимическое происхождение (ср. н. п. и р. *Кóчевар*, оз. *Ценовáрское* рядом с н. п. *Цéногора*; о соответствии *-вар, -вара* русскому *-гора, -горы* см. ниже); недостаточно ясен случай *Кыневар*, оз., но и здесь не лишена оснований мысль о метонимическом переносе с обозначения урочища (ср. тоня *Киноварская*, Сборник грамот коллегии экономии I, Петроград 1922, № 105; II, Ленинград 1929, № 105, Кольский п-ов). Все же нельзя совершенно исключить и связь с озерным формантом *-яр*: *Кыневар* ~ **Кынеяр*. Однако это положение недоказуемо из-за единичности факта.

Происхождение форманта *-вара* установлено Шёгренем, сравнившим его с кар. *vaara*, саам. *vaare*, фин. *vuori* 'гора' (J. A. Sjögren, Gesamtelte Schriften I, St. Petersburg 1861, стр. 290, прим. 76). Шёгренем же замечено (там же, стр. 290, прим. 76; стр. 315, прим. 216), что ряд названий этого типа, зафиксированных в писцовых книгах (*Ценоваре*), в местной русской речи имеет окончание *-горы* (*Погост Ценогорской*).

По мнению Европеуса (Д. П. Европеус, Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей, Санкт-Петербург 1874, стр. 12), названия с формантами *-вора, -вера* связаны с угорскими словами, имеющими значение 'лес', однако вокализм большинства названий на *-вар, -вара, -варо* резко отличен от угорского (ср. манс. *βḍr* 'лес', хант. *цḍḗ* 'покрытый лесом хребет'), формы же на *-вора, -воры* допускают разное объяснение (см. ниже).

Мнение Шёргена разделяют Кастрен (M. A. Castrén, Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud. — Nordische Reisen und Forschungen V, St. Petersburg 1862, стр. 95, 96, 102, 104, < приб.-фин.), Фасмер (M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrussland. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (= SPAW) XX, Berlin 1936, стр. 192, 214, < саам. *varre 'gora'*), Попов

(А. И. Попов, Топонимика Белозерского края. — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 105, Ленинград 1948, стр. 172; его же, Географические названия, Москва—Ленинград 1965, стр. 131—132, < приб.-фин. или саам.).

Предположение Фасмера о том, что формант *-горы* может восходить к фин. *kari* 'риф, подводный камень, мель' (M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — SPAW XVIII, Berlin 1934, стр. 421) опровергается Поповым (А. И. Попов, Географические названия, стр. 131—132). Действительно, невозможно допустить, чтобы многочисленные поселения, обозначаемые топонимами с детерминативами *-гора*, *-горы*, были связаны с подводными камнями и мелями. В то же время ясно, что ничто не является столь удобным и безопасным для поселения, как крутые берега и возвышенности у реки.

Ср. фин. *vaara* 'гора, сопка', кар.-ливв. *voara* 'лесистая возвышенность, гора' (J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen, стр. 83), кар.-ливв. *vuaru* 'гора, возвышенность (как компонент топонима *kukoi-vuaru*, *sepän-vuaru*)' (Г. Н. Макаров, Диалектологический словарь карельского языка (ливвиковский диалект), кар.-ливв. (Салми) *vuaru* 'vaara' (P. Rohjanvaho, Salmin murteen sanakirja. Täydennysosa, стр. 411), кар.-люд. *vuar* (= *vaara*), часть д. *Pyhäniemi* (V. Nissilä, Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes (= MSFOu 144), Helsinki 1967, стр. 89); саам. (Паатсойки) *vårre*, (Нотозеро) *vårre*, (Кильдин) *vårre*, (Иоканьга) *vårre* 'wald; bewaldeter berg' (T. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, Helsinki 1958, стр. 721).

Возможность прибалтийско-финского и саамского происхождения одинакова, так как соответствующие слова (точнее, их отражения в русской субстратной топонимике) фонетически невозможно дифференцировать.

В русских народных говорах Севера известно нарицательное *вара*, засвидетельствованное в значениях 'лес на возвышенном берегу моря; возвышенное место, крутой холм' и т. д. (А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, Санкт-Петербург 1885). Связь этого слова как с детерминативами *-вар*, *-вара*, *-варо*, так и с прибалтийско-финскими или саамскими источниками, не подлежит сомнению, однако более точно установить его происхождение затруднительно вследствие все той же фонетической недифференцированности (J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen, стр. 82—83; T. I. Itkonen, Lappische Lehnwörter im Russischen. — Annales Academiae Scientiarum Fennicae B, Bd. 27, Helsinki 1931, стр. 62).

Для варианта *-вора* (*Раговора*), *-воры* (*Иговоры*) следует иметь в виду разные возможности: не исключена прогрессивная ассимиляция гласного на русской почве (*o—a > o—o*), т. е. **Иговары* > *Иговоры*, **Раговара* > *Раговора*, но наиболее вероятна прогрессивная диссимиляция заднеязычных (*g—g > g—v*), т. е. **Игогоры*³ > *Иговоры*, **Рагогора* > *Раговора*; эта возможность предпочтительнее по той причине, что оба топонима обнаруживают *g* в основе⁴ (ср. также название д. *Веегора* (Пин.), имеющее более редкий вариант *Веевора*, в котором

³ Ср. в памятниках *Шогогора* (А. И. Попов, Топонимика Белозерского края, стр. 172; его же, Географические названия, стр. 123) при современном (*Кони*) *шбговара*.

⁴ Если *-вора*, *-воры* восходит к *-гора*, *-горы*, то эти названия следует исключить из группы топонимов на *-вар*, *-вара*, *-варо*, так как в таком случае они возникли уже на русской почве.

одинаково вероятно $g > v$ и $v > g$). Наконец, возможно сравнение с фин. *vuori*, кар.-ливв. (Салми) *vuori* (P. Pohjanvalo, *Salmin murteen sanakirja*, стр. 160) 'vuori' с дальнейшими соответствиями в пермских и угорских языках.⁵ Однако это сопоставление весьма проблематично.

Конструкции подобного типа весьма обычны в прибалтийско-финской и саамской топонимике. Ср. в Карельской АССР: *Ahvenvaara*, *Kalliovaara*, *Kanavaara*, *Leppävaara*, *Louhivaara*, *Riihivaara*, *Sammalvaara*, *Joutsenvaara*, *Kuikkavaara*, *Mustavaara*, *Märkävaara*, *Nuotta-vaara*, *Sikavaara*; в финской топонимике: *Hautavaara*, *Jokivaara*, *Karhuvaara*, *Kiimavaara*, *Myllyvaara*, *Putkivaara*, *Tetrivaara*, *Haukka- vuori*, *Hiidenvuori*, *Koiravuori*, *Marjavuori*, *Rauhavuori*, *Suurivuori*; в саамской топонимике (Т. I. Itkonen, *Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja II*, Helsinki 1958): *Jeṽ-vǎrr̥(°)*, *K'ieđgĕ-vǎrr̥(°)*, *Kimes̥-vǎrr̥(°)*, *Kūoss-vǎrr̥(°)*, *Kūotkās-vǎrr̥(°)*, *Lušm̥-vǎrr̥(°)*, *Ruūḃ(°)-vǎrr̥(°)*, *Ŧšejtš̥-vǎrr̥(°)*, *Ŧsujtš̥-vǎrr̥(°)*.

Бесспорно, с названиями рассматриваемого типа связаны и очень широко распространенные по всему Русскому Северу полукальки с детерминативами *-гора* и *-горы*: *Видгора* (Он.), *Водогора* (Пин.), *Йвгора* (Мез.), *Кельчемгора* (Леш.), *Нёмгора* (Бел.), *Яргора* (Бел.); *Категоры* (В-Т), *Кунжегоры* (Пл.), *Палегоры* (Леш.), *Пильгоры* (Пин.), *Сетугоры* (Холм.) и т. п.

Особенно много названий на *-гора*, *-горы* в бас. Пинеги и Мезени, но встречаются они и в других местах — по Сев. Двине, Онеге, в Белозерском крае. В бас. Пинеги эти названия явно коррелируют с топонимами на *-немя*, *-нема* (фин. *niemi* 'мыс'), обозначающими относительно пологие мысы (по сравнению с объектами, которые характеризуются названиями на *-гора*, *-горы*).

Детерминатив *-гора*, как уже было указано выше, связан с кар. *vaara*, саам. *vaare*, фин. *vuori* еще Шёгрэн, указавший, что древние финские названия этого типа оканчиваются теперь на *-гора*, хотя еще в писцовых книгах встречается *-вара* (J. A. Sjögren, *Gesammelte Schriften I*, стр. 290, прим. 76).

Однако источники полукалек могут быть различны⁶, часть из них вполне могла возникнуть уже на русской почве (ср. явно русские по происхождению *Карпогóры*, с. (Пин.) — *Карпова гора* — *Карпова* — *Карпова деревня*; *Труфаногóры*, с. (Пин.) — *Труфанова гора* — *Труфанова*), поэтому названия на *-гора*, *-горы* нельзя во всех случаях считать русским коррелятом топонимов на *-вар*, *-вара* и т. п., хотя в основном, очевидно, именно так и было: подавляющее большинство названий на *-вар(а, -о)* с течением времени стало полукальками на *-гора*, *-горы*, и только в отдельных случаях формант сохранился в своем архаическом виде. К сожалению, фактов слишком мало для того, чтобы установить причину или причины этого явления. Ими могли быть и наличие g в основе (*Шеговáры*), и соотносительность исходного названия с рядом объектов (*Цёного́ра*, н. п. и *Ценова́рское*, оз.), и другие обстоятельства.

⁵ В. И. Лыткин, *Исторический вокализм пермских языков*, Москва 1964, стр. 142.

⁶ Заметим, что на территории Русского Севера нет ни одного топонима с детерминативом, соответствующим фин. *mäki* 'гора, возвышенность' и, видимо, вообще не было этого слова.

Сокращения названий районов

Архангельской области: **В-Т** — Верхне-Тоемский, **Леш.** — Лешуконский, **Мез.** — Мезенский, **Нянд.** — Няндомский, **Он.** — Онежский, **Пин.** — Пинежский, **Пл.** — Плесецкий, **Холм.** — Холмогорский, **Шенк.** — Шенкурский.

Вологодской области: **Бел.** — Белозерский, **Вож.** — Вожегодский, **Кад.** — Кадуйский.

A. K. MATVEJEV (Sverdlovsk)

TOPONYMIC ETYMOLOGIES I

The article proves that the North-Russian substratal geographic terms *-бонга*, *-вонга* 'bay, pool' and *-ванга* 'bend, meadow' are connected in their origin with the Baltic-Fennic languages, and *-вар*, *-вара*, *-варо*, *-вора* 'mountain' with both the Baltic-Fennic and Lapp languages.